

МЫШКИНА
Зера Германовна

Мышкина З.Г., музыковед, журналист, выпускница Уральской консерватории (1949 г.) и Уральского университета (1962 г.). В 50-60-е годы руководила музыкальной редакцией Свердловского радио. Автор мемуаров «Вспоминая былое», 1997.

РОДНАЯ УЛИЦА МОЯ

Улица моего детства называлась 9-е Января (бывшая Фетисовская), проходила вдоль правого берега пруда, от площади 1905 года до Челюскинцев (Северной). Начиналась каменным домом и подворьем протоиерея Кафедрального собора Василия Семеновича Луканина. А в конце улицы виднелись ворота 1-й городской больницы.

В середине 20-х годов моим родителям — врачам Герману Сократовичу Мышкину и Клавдии Андреевне Белобородовой надоело мыкаться по частным квартирам, они взяли ссуду у молодого Советского государства, построили дом № 55. Меня, двухгодовалую, поставили на порог, и вместе с кошкой я потопала по гулким пустым комнатам. В руках у отца была только плетеная вятская корзинка с моим бельем: весь семейный бюджет израсходовали на строительство дома. Высокие потолки просторных комнат, сад, огород — вот впечатления моего раннего детства.

Домработница Клавдия к вечеру облачалась в парадную одежду, старательно подвязывала вышитый запон (фартук), на меня надевала чистое платьице. Мы

отправлялись через дворовую калитку на противоположную сторону улицы, где на длинной скамейке и обочине травянистой канавы восседало «избранное общество» из нянюшек и домработниц «местного микрорайона». Клавдия что-нибудь штопала или вязала, а я копошилась рядом, вместе с другими ребятишками, котятками, щенятами и привязанными к колышкам козлятами. Из городского фольклора на уличных посиделках преобладали устрашающие рассказы о том, что в сумерки около длинных заборов ходить опасно: бандиты, завернувшись в белые простыни, приделав к ногам какие-то пружины, выпрыгивают в раздвинутые доски ограды и грабят остолбеневших от страха прохожих.

Позади почти каждого дома нашей улицы были сады и огороды. Летом, через дырочку в изгороди, я общалась с соседскими девочками — Идой, Лидой и Тamarой. Шел интенсивный натуральный обмен красивыми тряпочками, цветочками, игрушками. Уже тогда в моей детской душе пробудилась страсть к коллекционированию: собирала разноцветные стеклышки: у меня был полный мешочек

этих «бесценных сокровищ», и я тайно мечтала, чтобы хоть что-нибудь разбилось из голубого мамино сервиза. Для пополнения коллекции я с ребяташками часто отправлялась в вояж по окрестным помойкам. Родители безжалостно пресекли мои прогулки: дочка известных в городе врачей шастает по свалкам! Дырку в заборе заколотили, перекрыли мой лаз. Но улица влекла неодолимо веселыми развлечениями: игрой в классики, пятнашки, катаньем обруча от бочки, прыганьем по гранитным плитам тротуара (один лишь раз можно было ступить на каждую плиту).

Колоритной фигурой нашей компании был Володя Новоселов (ныне ветеран войны, писатель, кинорежиссер). Забавляла изобретательность его матери, медсестры Ольги Федоровны: чтобы Вова не простудился, не сбрасывал с себя пальтишко во время шумных игр и баталий, она надевала на него одежонку задом напе-

ред, застегивала пуговицы на спине. А нам строго запрещалось его «распаковывать».

Главным объектом наших наблюдений была, конечно, городская больница, где мама работала главврачом. Официально нас туда не пускали, особенно к заразным корпусам, но в ветхом заборе всегда находилась лазейка, и мы часто появлялись около отделения душевнобольных. В серых халатах они гуляли во внутреннем садике. Для нас это было захватывающее зрелище: один молодой человек смотрелся в зеркальце, пудрился и подводил брови, а пугливая старушка чего-то прятала, зарывала в землю, остальные пытались разрыть и отобрать. На крики выбегали санитары и разгоняли дерущихся. Сидя в кустах, мы с любопытством взирали на происходящее или бежали к катаверной. Натаскав камней под окно, заглядывали в дырку, проколотую в белой краске. Я боялась покойников и только делала вид, что смотрю в

страшное отверстие, зажмуривала оба глаза и быстро соскакивала с груди камней.

Другими таинственно влекущими нас объектами были многочисленные подвалы каменных домов. Миша Шулин уверял, что в одном из них есть проход на другую сторону пруда. Мы обследовали соседские погреба бывшего свечного завода. Ходили слухи, что богатая владелица завода Анфиса Федоровна Федосеева, убегая с армией Колчака, где-то схоронила свои драгоценности. Печники братья Милютини нашли один клад. Наша семья, роаясь в огороде, мечтала отыскать сокровища (и надо же, когда в 72-м году мама переехала в кооперативную квартиру, новые хозяева дома раскопали землю под поленницей и нашли большую железную банку с серебряными монетами).

В годы НЭПа на нашей улице пооткрывались частные лавочки. Помню, в окнах одноэтажного дома № 23 красовались дамские шляпки (тогда в моде были глубокие, надевались до самых бровей). Долго с восхищением глазела на них. Мама купила себе одну — яркомалиновую с вышитыми аппликацией цветами. Я млела от восторга. (Через много лет мамыны внучки щеголяли в этой шляпке на маскарадах, а недавно, потрепанную и ветхую, я подарила ее музею писателей Урала). На углу нашей улицы и переулка Боевых дружин (Щипановского) стоял деревянный киоск, привлекавший всех ребятишек: продавец-китаец предлагал в маленьких кулечках мятные пилюли «Сен-сен», надувные пронзительные пищалки «Уди-уди» и яркие шарики, прыгающие на резинках (сейчас их иногда продают детям около зоопарка и цирка). Некоторые родители, чтоб прекратить бесконечное кланченье, запугивали ребят небылицами, будто китайцы ловят детишек, стряпают из них пирожки, что

кто-то находил в начинке детский мизинчик. Мы с братом стремглав проносились мимо зловещего ларька.

А в доме № 57 открылся магазин со странным названием «Церабкоп». Это был неиссякаемый кладезь наших впечатлений. Наиболее запомнились два случая. Как-то вечером в магазин лезли воры. Вызывали милицию, была перестрелка. И — трагедия красивой, приветливой продавщицы Ноткиной: неся ящик с пустыми бутылками, она упала в открытое подполье, и острые осколки впились ей в сердце. Мы бегали смотреть на похороны. Нужно сказать, что по нашей улице часто шествовали из катаверной похоронные процессии с духовыми оркестрами, надрывно и фальшиво терзающими детские души траурным маршем Шопена.

Улица была транзитной магистралью из центра на вокзал. В 30-е годы нередко в кирзовых бахилах плелись через деревянный мост партии заключенных, а сзади тарахтела по гранитной мостовой телега с их пожитками. Но ни с чем не сравнимая жуть охватывала нас, когда под вечер или глубокой ночью по улице проезжала спецмашина, народ прозвал ее «Черным вороном». Я слышала, как отец и мать в ночных рубашках шептались у окна: «Проехали Зубрицких, Намятышевых, Гринов, остановились у дома почтмейстера Кулебякина». Утром узнали, что он арестован и больше его никто не видел. В моем воображении «Черный ворон» ассоциировался с репродукцией картины Врубеля «Демон». Напряженно всматриваясь в темноту, принимая малейшее дуновение воздуха за взмах крыльев страшной птицы, я в ужасе сжималась в комочек и закутывалась в голову в одеяло.

Но бывали и радостные переживания. Например, многочисленные праздничные демонстрации 7 Ноября и 1 Мая. По ули-

цам к центральной площади двигались колонны Железнодорожного района и рабочих Уралмаша. Всех роднило ни с чем не сравнимое величавое чувство всеобщего народного единения и ликования. Всюду звучали песни, играли духовые оркестры, люди от души веселились, танцевали, бодро шагали среди развевающихся кумачовых знамен.

А зимой правительство осчастливило ребятишек, разрешив проводить новогодние елки (до этого в детском саду, изучая азбуку, мы из букв складывали лозунг «Елка — праздник буржуев и попов»). Особенно было интересно в гостях у семейного художника Андрея Федоровича Узких. Они жили в доме №22. Мы сами мастерили игрушки для елки: коробочки из-под духов и пудры превращались в бонбоньерки, яичная скорлупа в головки клоунов, клеили разноцветные цепи, фонарики. Мой одноклассник Костя Узких играл на балалайке и на пианино. Шуткам и пляскам не было конца.

И озеленение улицы стало радостным праздником: утром на газонах трудились все от мала до велика, копали ямки, таскали из огородов хорошую землю. На грузовике развозили саженцы тополей. Деревья росли вместе с нами, а через годы улицу 9-е Января можно было переименовать в Тополиную. Я любила весной прогуливаться по ней, вдыхать терпкий запах клейких, блестящих, распускающихся листочков, заглядывать в окна, уставленные горшочками со всевозможными цветами. В угловом деревянном доме на первом этаже жила семья ювелира Лазаря Львовича Аронова. Его дочка Лиля отличалась необыкновенной красотой: золотистые кудряшки, розовое личико среди зелени и цветов. Я часто, проходя мимо, любовалась этой живописной картиной. Позднее Лиля (в замужестве — Маркович) окончила мединститут и работала

заведующей туберкулезным отделением железнодорожной больницы. Жаль, что ее рано сгубила одна из зловещных болезней нашего века — рак.

В 38-м году рядом с нашим домом построили новую четырехэтажную школу. Но мы в ней учились недолго: началась Великая Отечественная война. В здании разместился госпиталь. А в нашем доме поселились эвакуированные семьи: русские Андреевы из Ленинграда, татары Набиевы, украинцы Надточие, евреи Коганы из Харькова. Я нарочно перечислила национальности жильцов, чтобы сказать о том, что в трудное, голодное лихолетье все дружно ютились под одной крышей. Папа и мама лечили истощенных от дистрофии.

Однажды ранним утром улица была разбужена страшным грохотом: лязгая гусеницами, шли уралмашевские танки Т-34. На переднем из открытого люка башни нас приветствовал Боря Замятин. Через несколько дней он позвонил мне по телефону и сообщил, что сидел под арестом за самовольный маршбросок с танкового полигона в город, а завтра уезжает на фронт. Это было его последнее прощанье... Многих с нашей улицы поглотила война. Не стало озорного Эрика Нечаева, скромных братьев Лени и Бори Сусловых, известного в городе закройщика-портного Савелия Гуревича, кареглазого стройного красавца Ильи Голомидова, летчика Миши Аронова... А сколько имен навсегда стерлись из моей памяти, и только робкие, зыбкие тени тревожат мое воображение. Они идут по улице мимо несуществующих ныне домов. А наяву сейчас — одичалая зелень садов, заросли лопухов и крапивы. Наступают огромные многоэтажки, застраивается центральный район. Старое уступает место новому. Таков закон жизни. Родная улица, прощай. Я буду помнить тебя всегда.